

УДК 61:93:+001.4

M916

М. Б. Мусохранова

Омск, Россия

ГЕНЕЗИС ЯЗЫКА МЕДИЦИНЫ

В работе делается акцент на архаический период становления медицины, в котором шло формирование ее языка, репрезентирующего человека в отношениях с окружающим миром посредством терминов.

Ключевые слова: истоки медицины, язык медицины, термин.

M. B. Musokhranova

Omsk, Russia

GENESIS OF THE LANGUAGE OF MEDICINE

Abstract. The article is dedicated to the archaic period of medicine when the language of medicine was developing, representing the results of curative and cognitive activities by means of terms.

Keywords: origins of medicine, the language of medicine, a term.

Становление медицины происходило в социокультурном пространстве архаичных культур, где приобретался опыт сохранения жизни в различных ситуациях (войны, бытовые травмы, охота и пр.). Но был «особый вид несчастья по сравнению с прочими, который воспринимался как «природа зла» и который называли болезнью» [Froment, 2001, p. 16].

Болезни присваивались имена, которые сохранялись в социальной и индивидуальной памяти как печать значимого, с точки зрения последствий события, разрушающего жизнедеятельность человека и влияющего на состояние обще-

ства. Часто эти имена связаны с мифами, иносказательно объясняющими взаимозависимость и взаимосвязь человека с окружающим миром (духовным, социальным и природным).

Этот мир, осознаваемый как высший порядок (макрокосмос), непостижимый в своем величии и неизмеримый в многообразии, воспринимался аналогом человека (микрокосмос). Тело человека стало его образной интерпретацией и представлялось как арена борьбы двух начал (Добра и Зла, Любви и Ненависти, Жизни и Смерти) в древнеегипетской, древнеиндийской, ассирийско-вавилонской, мидо-персидской, древнекитайской, древнегреческой культурах.

К примеру, согласно Цельсу (II в. н. э.) и Оригену (III в. н. э.), египтяне полагали, что человеческое тело разделено на 36 частей, и каждая из этих частей подчинена одному из 36 демонов или божеств [Лосев, 2008, с. 144–147]. Потому части человеческого тела также имели специальные имена, которые использовались в магических заклетьях, направленных на изгнание зла, локализованного в них.

Древнеиндийские ведические тексты направлены на осознание человеком жизненно важной необходимости научиться распознавать истину в борьбе Добра и Зла, где вера является начальным этапом познания: «Когда верят, то мыслят, когда мыслят, то познают» [Чхандогья Упанишада, 1965, с. 128]. Под жизнью понимался союз тела, чувств, ума и духа, включая линию преемственности между прошлым и будущим, гармонично существующий с окружающим миром. Нарушение гармонии в каком-либо звене вело к появлению болезней. В ведических текстах особо выделена связь частей тела человека с Вселенной. В этом контексте сформировалась анатомическая номенклатура, включавшая более 300 имен, некоторые из них – метафоры.

Идеи развитых культур наследовали древнегреческие мыслители, рассматривая человека в качестве объяснения законов Вселенной, приписывали ей разумность. Исследуя части вещей, их представляли в виде духовных существ, чьи отношения строились, например, как у Эмпедокла, на Любви и Ненависти, которые стали символами добра и зла и которые он перенес на че-

ловеческое тело: «... то Любовью влекомые, сходятся все воедино органы бренного тела, в расцвете жизненной силы; то, напротив, Раздором разъятые злым, каждый порознь в шумном прибое житейского моря у берега блуждают» [Якубанис, 1994, с. 73–75].

Становление медицины сопровождалось формированием ее языка, который представляется в виде дерева, чей образ символизировал в архаичных культурах порядок мироустройства и стал универсальным по отношению к миру, обществу, человеку, языку, науке, поскольку наглядно демонстрировал идею непрерывности развития, которое сопровождается наследованием и передачей знаний во времени и пространстве (от одной культуры к другой). Эту идею отразил Аристотель: «Всякое обучение и всякое основанное на размышлении учение исходит из ранее имеющегося знания» [Аристотель, 1978, т. 2, с. 257].

Источником знания о человеке и его организме, о болезни и способах лечения страдающего от нее человека, о лекарственных средствах, служил опыт проживания события болезни, осмысленный в рамках мировоззренческих установок, формировавшихся традициями, хранителями которых были священнослужители, чья область деятельности включала врачевание. Эта деятельность, пока еще институционально не оформленная, носила преемственный характер и входила в обязанности царственного рода и священнослужителей, представлявших духовную власть, которая нередко совмещалась с царской, поскольку от физического и духовно-нравственного состояния соплеменников зависела жизнеспособность и процветание правящей династии. Опыт, полученный в этой деятельности, фиксировался в летописях для назидания последующим поколениям, которые были доступны этому образованному сословию.

К примеру, с именем Гиппократ связан Клятвенный врач, которая содержит идею о древнейшем институте царской власти, перенесенную на род асклепиадов, подтверждая их царственный статус, позволявший заниматься священнодействием при определенных условиях, обозначенных в «Законе». В этом трактате закреплён сакральный статус врачевания: «священные действия показываются только людям посвященным, профанам же – не прежде, чем они будут

введены в таинства науки», ибо такие люди, в силу своей невежественности, дискредитировали медицину. Называясь врачами, они в действительности не являются таковыми: «по званию их много, на деле же – как нельзя менее». «Их трусость знаменует бессилие, дерзость же – неискусность. Ибо две суть вещи: наука и мнение; из них первая рождает знание, второе – невежество». «Таинства науки», содержащиеся в рукописях, хранимых в храмовой библиотеке, представляли своеобразный учебно-методический комплекс, на основе которого проходило посвящение в профессию врача, что составляло одно из главнейших условий формирования асклепиада. Другим, не уступающим ему по значимости, – «природное расположение», которое можно соотнести с призванием («если природа противодействует – все тщетно»). При этом учитываются: обучение, начатое с детства, что подчеркивает условие принадлежности к роду асклепиадов и соотносится с династическим характером врачевания; трудолюбие, развивающее разумение и «многолетнее прилежание» в учении; место, от природы приспособленное для учения; время, которое «все это укрепляет для полной зрелости». В совокупности эти условия стали основанием организации школы, в которой вся жизнь обучающегося, проходящая в стенах храма Асклепия, была подчинена профессиональной подготовке. Обучение в этой школе носило преемственный характер: сакральное знание передавалось от отца к сыну, а также, согласно Клятве, «сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому», «безвозмездно и без всякого договора». [Гиппократ, 1998, с. 10–11; 14–15].

Из врачебной семьи происходил Аристотель, который ввел слово «термин» в научную речь в качестве средства суждения, устанавливающего истинность высказывания, т. е. соответствие действительности, либо ложь, искажающую восприятие действительности. Сохранив первичный знаковый смысл «термина» как видимой границы чувственно воспринимаемого объекта, Аристотель поставил его промежуточным звеном между именем объекта и знанием о нем, т. к. невозможно знать то, что не имеет имени.

Имя в древних традициях воспринималось как данность свыше, соединяющая духовное и материальное (иначе: смысл, облеченный в знаки/буквы), как средство познания, способ восстановления порядка. Условно называемая древнегреческая традиция формировалась на основе доступных знаний древних культур, чье материальное и интеллектуальное наследие на уровне языка воспринял древнегреческий язык. Именно он обратил внимание на функции слова, которые выявляются посредством этимологической реконструкции его имен (logos, rema, lexis, mythos, epos): номинативная, организующая, коммуникативная, символическая, мировоззренческая, творческая и эпистемическая. Термин сохранил эту функциональность на уровне познания действительности и на уровне коммуникации, осуществляющей пространственно-временную связь в медицинском сообществе [Мусохранова, 2012, с. 107–144].

Интеллектуальное наследие древнегреческих мыслителей перешло к римлянам. Характеризуя римскую научную мысль, Страбон в начале I в. писал, что римские авторы «просто переводят из греческих источников, тогда как сами по себе обнаруживают мало любви к науке, поэтому всякий раз, когда у греков оказываются пробелы, дополнения со стороны римлян незначительны, особенно потому, что большинство самых распространенных имен греческие» [Страбон, 2004, с. 89–90]. В этом случае проясняется греческое происхождение многих латинских медицинских терминов.

Использование «термина» в научной речи было введено Аристотелем, развито и уточнено Боэцием Дакийским и Уильямом Оккамом. Последний обратил внимание на то, что «термин» стал средством познания. Его знаменитый методологический принцип, известный как «брита Оккама» (*Pluralitas non est ponenda sine necessitate* «множественность не следует допускать без необходимости»), нашел применение в требовании однозначности трактовки термина, т. е. имя должно соответствовать вещи [Мусохранова, 2012, с. 178–196].

Таким образом, происхождение языка медицины связано с древними традициями архаических культур, в недрах которых шел процесс становления медицины как деятельности, направленной на сохранение человеческой жизни, что

обусловило познание человека в его взаимоотношениях с окружающим миром (духовным, социальным, природным). Результаты познания маркировались именами, которые приобрели статус терминов и составили язык медицины. В социальном плане язык медицины стал интегратором медицинского сообщества, где врачи, говорящие на национальных языках, используют исторически обусловленную греко-латинскую медицинскую терминологию, которая выражает содержание медицины. Язык медицины отличается от любого другого языка тем, что на нем не говорят, хотя он определяет специфику врачебной речи, в которой термины, непонятные для далеких от медицины людей, являются средством мыслительной деятельности, поскольку маркируют весь объем знания о каждом медицинском объекте, будь то анатомическое образование, физиологический процесс, болезненное состояние какого-либо органа, болезнь, способ лечения, или лекарственное средство. В медицинских терминах осуществляется взаимосвязь мировоззренческого и профессионального, которое обеспечивает становление будущего врача, поскольку сохраняет духовное наследство ушедших поколений врачей-врачевателей.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 257.
2. Гиппократ. Минск, 1998. С. 10–15.
3. *Лосев А. Ф.* Вещь и имя. Самое самó.. СПб, 2008. С. 144–147.
4. *Мусохранова М. Б.* Терминогенез медицины как социально-философская проблема: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / М.Б. Мусохранова. Омск, 2012. 332 с.
5. *Страбон*. География: в 17 кн. / Страбон. Пер. с греч., [вступ. ст. и коммент. Г. А. Стратановского]. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 637 с.
6. Чхандогья-упанишада // Пер. А. Я. Сыркина. М.: Изд-во «Наука», 1992. С. 128.
7. *Якубанис Г. И.* Эмпедокл: философ, врач и чародей. Стихотворный перевод фрагментов поэм «О природе», «Очищения». Киев, 1994. С. 73–75.
8. *Froment A.* Maladie. Donner un sens. Paris, 2001. P. 16.

References

1. Aristotle. (1978). The complete works: in 4 volumes. M: Mysl, 1978. – vol.2. P.257. (In Russian).
2. Hippocrates. – Minsk, 1998. P. 10 – 15. (In Russian).

3. Losev A. F. (2008). Thing and Name.Samoosamo. – St. Petersburg, 2008. P. 144-147. (In Russian).
4. Musokhranova M. B. (2012). Terminogenesis of medicine as a social -philosophical problem. Thesis for the D.Sc. (Philosophy)degree – Omsk, 2012. 332 p.
5. Strabo. Geography. – M, 2004. P. 89-90. (In Russian).
6. Chhandogya Upanishad. – M, 1965. P.128. (In Russian).
7. Yakubanis G.I. (1994). Empedocles: philosopher, doctor and magician. Poetic translating fragments of poems "On Nature", "*Purifications*". Kiev, 1994. P. 73-75. (In Russian).
- 8.Froment A. (2001). Maladie. Donner un sens. Paris, 2001. –P.16.